Текст · 20 декабря 2021, 08:08
Елизавета Нестерова,

«Волнует только ситуация с Хараидзе». Потерпевший со скрытой камерой против муниципального депутата

13 декабря в Тверском районном суде Москвы судья Алексей Криворучко провел первое заседание по делу муниципального депутата Тверского района, тележурналистки на пенсии Кетеван Хараидзе. В окончательной редакции обвинения говорится, что она вымогала у представителя девелоперской компании Андрея Степанова 15 млн рублей (часть 4 статьи 159 УК, мошенничество в особо крупном размере), подогревая недовольство жителей района стройкой элитного жилого комплекса и угрожая ее сорвать. На первом заседании Степанов подал к мундепу гражданский иск на 5 млн рублей, хоть и утверждал, что лично Хараидзе никогда не требовала у него денег. Корреспондент «Медиазоны» навестила обвиняемую под домашним арестом и узнала, как для нее прошли последние полгода и какие доказательства ее вины успело за это время раздобыть следствие.

Домашний арест

В мае муниципальный депутат московского района Тверской Кетеван Хараидзе объявила о намерении баллотироваться в Госдуму. В ночь на 18 июня ее задержали после обыска, в ходе которого силовики изъяли технику и две пятитысячные купюры из кармана зимнего

пальто — сама мундеп утверждает, что эти деньги ей подбросили. Две пятитысячные купюры — единственное вещественное доказательство, упомянутое в обвинительном заключении[1]. 19 июня Хамовнический районный суд отправил Хараидзе в СИЗО. На выходе из суда она объявила голодовку «до дня выборов», но, послушав адвокатов и соратников, через десять дней начала принимать пищу. 12 июля Хараидзе отпустили из СИЗО под домашний арест, с тех пор мера пресечения не менялась.

По условиям домашнего ареста обвиняемой запрещено выходить из дома, звонить по телефону, пользоваться почтой и интернетом. Хараидзе 63 года, она живет одна. «Раньше жила с мамой, она умерла в марте. Зато на меня нет никаких рычагов давления, на близких не надавить», — рассуждает мундеп.

До возбуждения уголовного дела она получала пенсию и нерегулярные депутатские вознаграждения. Вернувшись из СИЗО домой, Хараидзе обнаружила, что ее банковскую карту, на которую начислялись эти выплаты, изъял «для изучения» следователь. «Изучал он ее все эти месяцы, хотя что там так долго изучать? Все это время он мне не разрешал не то что прогулки, даже дойти до банка и перевыпустить карту или снять деньги со счета. Пойти к нотариусу, выписать доверенность на адвокатов, чтобы они распоряжались моими деньгами, запрещал тоже», — рассказывает она. Обратно свою карту Хараидзе получила, только когда следствие завершилось и дело передали в прокуратуру.

Лишившись доступа к собственным деньгам, депутат не могла оплачивать счета; через два месяца у нее за неуплату отключили городской телефон, грозили отключить электричество и горячую воду. «Меня выручили жители моего района, мои избиратели. Они просто скинулись и оплатили мою коммуналку. Ко мне почти каждый день кто-то приходил, приносил немного еды и сигарет. Только благодаря им я не умерла с голоду», — рассказывает Хараидзе.

Соседи по Тверскому району действительно часто заходят к ней домой: жалуются на местные проблемы, а она помогает составлять жалобы и обращения в совет депутатов — сама Хараидзе теперь отправлять их не может. Несколько раз ее навещали жители дома на Фадеева, 6 — именно их конфликт с застройщиком в итоге вылился в уголовное дело против депутата. «Не все они могут меня навещать, многих из них таскали на допросы, они теперь свидетели по делу. А другие боятся, что и их вызовут», — говорит Хараидзе.

СИЗО и допросы

«Знаете, чем я сейчас больше всего дорожу? Письмами, которые мне писали, пока я была в СИЗО», — рассказывает Хараидзе. По ее словам, сначала администрация СИЗО отнеслась к ней, «как и ко всем, строго», но как только арестантке стали приходить письма, отношение заметно изменилось. За неполный месяц, что она была под стражей, депутату написали десятки человек; большинство корреспондентов просили прекратить голодовку, говорит она.

Голодовку Хараидзе держала десять дней — все это время сотрудники СИЗО приносили ей еду и оставляли в камере на несколько часов, несмотря на ее просьбы. Сначала из-за голодовки, а затем из-за сложностей выхода из нее мундепа содержали в одиночной камере. «Ничего не могу сказать хорошего про эту камеру. Крохотное помещение без окон», — рассказывает Хараидзе. По ее словам, позже на одном из допросов следователь Дмитрий Полещук назвал это «лакшери-условиями», спросил, почему к ней в СИЗО было «особенное отношение» и вкусно ли ее кормили. «Он меня спрашивал про лакшери-условия в СИЗО, в то время как Гураму, человеку, которому было велено дать против меня показания, разрешили не просто домашний арест, а домашний арест дома у брата в Барвихе», — недоумевает депутат.

Гурам Григорян — житель дома на Фадеева, 6 — действительно все время следствия находился под домашним арестом. Он дал показания против Хараидзе и признал вину, его дело рассматривалось в особом порядке, он уже получил два года реального срока.

«Мне трудно сказать, как я к нему отношусь. Я считаю его человеком без совести. Но он житель моего района, а значит, я должна защищать и его права тоже», — говорит мундеп. По ее словам, Григоряна запугали на допросе; он сам сказал ей об этом, когда они столкнулись в коридоре Следственного комитета.

— Я видела, какой он выходил из того кабинета. Уставший, глаза красные. Проходя мимо, он успел мне

сказать: «Простите, Кети, у меня жена и дочка», — вспоминает Хараидзе.

Кетеван Хараидзе. Фото: Елизавета Нестерова / Медиазона

Трубы и виллы

С Гурамом Григоряном Кетеван Хараидзе познакомилась пару лет назад — к ней обратились за помощью жители дома на улице Фадеева, рядом с которым компания *Stone Hedge* собралась строить комплекс *Cameo Moscow Villas*. Конфликт разгорелся, когда стало ясно, что застройщик собирается врезаться в старые коммуникации дома №6, а не прокладывать для «вилл» новые: формально новостройка не считается жилыми домами — то, что в рекламных проспектах называли «элитным ЖК», по документам проходит как «временное жилье».

«Если бы это был настоящий жилой комплекс, застройщик был бы обязан вкладываться деньгами во всю инфраструктуру района. Большое количество новых жителей — это нагрузка на местные детские сады, школы и поликлиники, а новые здания — нагрузка на коммуникации, канализацию, электричество. Чтобы сэкономить

огромное количество денег, они оформили свои дома как отели и решили просто врезаться в старый московский дом», — объясняет Хараидзе. По ее словам, она сразу предупредила застройщика, что коммуникации дома очень старые и не выдержат нагрузки.

В 2020 году компания-застройщик начала подключение к местной электрической подстанции; последовал пожар[2], который обесточил все соседние дома. В 2021 году, сразу после ареста Хараидзе, застройщик врезал канализацию 17 таунхаусов в старые трубы дома на Фадеева, 6 — канализация не выдержала уже через три месяца.

«*SOS!* Как только г-жа Хараидзе Кетеван Гурамовна перестала бороться за наш дом (Фадеева, 6) с застройщиками с Пыхов-Церковного, мы стали тонуть в фекалиях: канализация не работает», — писала в октябре в районной группе на фейсбуке профессор журфака МГУ Галина Вороненкова. Скриншот этого поста есть в распоряжении редакции, сейчас он удален — на момент публикации автор не знала об аресте Хараидзе. Узнав, что мундеп под домашним арестом, она удалила пост. По словам Хараидзе, позже, навестив ее, Вороненкова сказала, что готова выступать в суде в качестве свидетеля защиты.

Согласно обвинительному заключению, Кетеван Хараидзе, «согласно отведенной ей преступной роли» и «обладая авторитетом и доверием жителей», должна была вести переговоры и проводить встречи с представителями застройщика. Один из представителей застройщика — Андрей Степанов,

утверждавший, что мундеп вымогала у него деньги — и написал на нее заявление, посчитав себя потерпевшим. По его словам, Хараидзе не давала проводить строительные работы, «подогревая конфликт между жителями и застройщиком».

Адвокат Михаил Бирюков объясняет, что у его подзащитной не было полномочий разрешать или запрещать строительные работы. «Статус муниципального депутата не дает ей такого служебного положения. Разрешение на земляные работы для прокладки коммуникаций дает объединенная административно-техническая инспекция (ОАТИ), а не муниципальный депутат. Вопрос о допуске строителей на придомовую территорию, стоящую на кадастровом учете, решают местные жители, а не депутаты», — подчеркивает защитник.

Три подслушанных разговора

В материалах дела следствие ссылается на видеозапись разговора Степанова, Григоряна и Хараидзе. Запись сделана Степановым на скрытую камеру. «Возмутительно, конечно, что меня снимали без моего ведома, но я всеми руками и ногами за то, чтобы это видео было в материалах дела! Из него очень хорошо понятно, кто из нас двоих мошенник», — эмоционально говорит Хараидзе.

Во время разговора, вспоминает мундеп, она объяснила Степанову, что жители провели за свой счет экспертизу канализационной системы дома №6. У них было официальное заключение, что «26 метров труб» находятся в аварийном состоянии, продолжает

Хараидзе, и жители потребовали, чтобы застройщик переложил эти трубы, Степанов же отвечал, что стоимость ремонта составит 2,5 млн рублей, а таких средств у компании якобы не было. «Я при нем позвонила специалисту и спросила, во сколько он оценивает нужные нам работы. Стоимость этих работ — 350 тысяч рублей под ключ», — говорит депутат. По ее словам, после этого звонка Степанов начал торговаться, согласившись в итоге переложить только шесть метров. «Метр трубы стоит 13 тысяч рублей. А теперь вопрос: будучи в здравом уме, я стала бы требовать взятку в 15 миллионов за то, за что человек не хочет заплатить 350 тысяч?» — задается риторическим вопросом Хараидзе.

При этом на очной ставке и допросах[3] Степанов признал, что сама обвиняемая никогда не требовала у него денег, разговоры об этом он вел только с Григоряном. В конфликте между *Stone Hedge* и жителями Тверского района Степанов выполнял роль медиатора; с компанией-застройщиком у него заключен договор на оказание услуг по «связям с общественностью» на полмиллиона рублей. После очередной встречи с Григоряном он заключил с застройщиком дополнительное соглашение на 15 млн рублей — следствию Степанов объяснил, что именно такую сумму у него требовал Григорян. Правда, передал ему Степанов только 5 млн рублей, а во второй раз принес уже «куклу» — пачку ненастоящих купюр. Где сейчас остальные деньги, выданные посреднику компанией — неизвестно. Зато известно, что деньги Григоряну были переданы уже после того, как конфликт вокруг труб официально урегулировали: на последней встрече с жителями застройщик подписал гарантийное

письмо, в котором обещал модернизировать старые коммуникации дома, прежде чем к ним подключат новостройки. Через две недели после ареста Хараидзе это обещание было нарушено, и канализацию таунхаусов врезали в старые трубы дома на Фадеева, 6 без ремонтных работ и модернизации.

Всего в материалах дела цитируется три разговора Степанова и Григоряна. Хараидзе упоминается только в первой беседе: Степанов жалуется Григоряну, что мундеп «снова начинает поднимать хай» из-за того, что застройщик не соблюдает договоренности с жителями. Расшифровка этого разговора начинается со слов Степанова: «Их волнует только ситуация с Хараидзе».

Григорян. Я понимаю, тебя. Я понимаю. Но, понимаешь, здесь мы с тобой говорим. Наши с тобой сотрудники, делают, грубо говоря, немножко... Твои сотрудники делают немножко по-другому. И эта [Хараидзе] говорит: «А почему вот так?». И из-за этого какие-то разногласия происходят. Но это поправимо, будем решать по ходу.

Степанов. Ну просто я же че-то вам дам, а дальше она продолжит это делать. Мы это как будем регулировать?

Григорян. Нет, ты пойми, она что будет делать. Если вы выполняете свои обязательства, что она будет делать? Если вы выполняете свои обязательства, никто ничего не делает.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Есть в распоряжении «Медиазоны».

2. Видео пожара есть в распоряжении «Медиазоны».

3. Протоколы есть в распоряжении «Медиазоны».